

Коломиец Ю.Ю.,
кандидат юридических наук, доцент,
докторант кафедры уголовного права
Национального университета «Одесская юридическая академия»

ПРЕДПОНИМАНИЕ И ПОНИМАНИЕ УГОЛОВНОГО ПРАВА

Аннотация

Статья посвящена осмыслению процесса предпонимания и понимания уголовного права. Была поставлена цель создания целостного представления об уголовном праве, при котором вся уголовно-правовая наука была бы вписана в систему правовых наук и основывалась бы на данных философии, психологии, социологии, политологии, экономики и других науках. Рассмотрены четыре парадигмы, определяющие ход развития уголовного права: 1) парадигма уголовно-правового подавления; 2) символическая парадигма; 3) парадигма бюрократического присвоения уголовного права (бизнес-парадигма); 4) парадигма рационального использования уголовного закона как социального инструмента. Предложено перейти от парадигмы бюрократического присвоения уголовного права (бизнес-парадигмы) к парадигме рационального использования уголовного закона как социального инструмента. Выявлены проблемы, связанные с пониманием уголовного права различными субъектами. Сформулирован вывод о том, что уголовное право как материальная, публичная отрасль права воздействует на личность языком законов, который имеет как символическое, так и рациональное значение. Приведены аргументы, подтверждающие неприемлемость для нашего общества утверждения о том, что право-модель является инструментом новой законодательной политики.

Введение

Философы, социологи, психологи, а также специалисты в сфере других отраслей знания часто обвиняют уголовное право в том, что оно несвоевременно реагирует на инновационные процессы, происходящие в обществе.

Консерватизм уголовного права можно объяснить тем, что оно выступает необходимым инструментом охраны важнейших интересов личности, общества, государства, а его применение влечет более значимые последствия, чем применение иных отраслей права. Какие-либо изменения институтов уголовного права могут кардинальным образом нарушить гармонию взаимоотношений между личностью, обществом и государством, а также увеличить издержки на всех уровнях человеческого существования. Следовательно, с целью обеспечения реализации охранительной функции уголовному праву необходимо стремиться к равновесию между целью и задачами уголовного закона и последствиями его реализации. Уместными в этой связи являются высказывания Ф. Энгельса о том, что деятельность людей ведет, в первую очередь, к тем последствиям, «на которые мы рассчитываем», но, «во вторую и третью очередь», она имеет «совсем другие, непредвиденные последствия, которые очень часто уничтожают значение первых» [1, с. 151].

Идеологический и методологический плюрализм, хаотичное изменение действующего уголовного законодательства разрушили уголовно-правовую систему, способную обеспечить достижение задач, поставленных перед Уголовным кодексом Украины. В связи с этим возникла необходимость в создании целостного представления об уголовном праве, при котором вся уголовно-правовая наука была

бы вписана в систему правовых наук и основывалась бы на данных философии, психологии, социологии, политологии, экономики и других наук. Сделать это можно путем осмысления процесса предпонимания и понимания уголовного права.

Предпонимание уголовного права

Специалисты в сфере уголовного права редко обсуждают вопрос о предпонимании права. Между тем базой правосознания является правопонимание, базой правопонимания является предпонимание, которое принято именовать парадигмой. Профессор А.Э. Жалинский выделил четыре парадигмы, определяющие ход развития уголовного права: 1) парадигма уголовно-правового подавления; 2) символическая парадигма; 3) парадигма бюрократического присвоения уголовного права (бизнес-парадигма); 4) парадигма рационального использования уголовного закона как социального инструмента [2, с. 70–72].

В основе перечисленных парадигм лежит отношение государства к уголовному праву. Называя парадигмы уголовного права в определенной последовательности, А.Э. Жалинский фактически указал на фазы развития уголовного права, начиная с советского периода, для которого была характерна парадигма уголовно-правового подавления, заканчивая современным периодом.

Парадигма уголовно-правового подавления носила жестокий, репрессивный характер и была направлена на уничтожение группы людей (классов и не только), объявленных врагами народа. В.И. Ленин писал: «Мы должны сказать, что должны погибнуть либо те, кто хотел погубить нас и о ком мы считаем, что он должен погибнуть, – и тогда останется жить наша Советская республика, – либо, наоборот, останутся жить капиталисты и погибнет республика. В стране, которая обнищала, либо погибнут те, которые не могут подтянуться, либо вся рабоче-крестьянская республика. И выбора здесь нет и быть не может, так же, как не должно быть и никакой сентиментальности» [3, с. 166].

С одной стороны, жестокость была обусловлена стремлением государства, созданного путем насильственной революции, сохранить свою легитимность. С другой стороны, считалось: «В обществе, строящем коммунизм, не должно быть места правонарушениям и преступности. Но, пока имеются проявления преступности, необходимо применять строгие меры наказания к лицам, совершающим опасные для общества преступления, нарушающим правила социалистического общежития, не желающим приобщаться к честной трудовой жизни» [4, с. 162].

Несмотря на резкую критику парадигмы уголовно-правового подавления, А.Э. Жалинский отмечал ее позитивные моменты. По его мнению, ее можно признать: наиболее последовательной; отвечающей некоторым экзистенциальным свойствам человеческой психики; хорошо аргументированной убедительными, но часто примитивными суждениями.

Анализ сочинений В.И. Ленина показал, что так оно и было. Например, в своем письме к товарищу Курскому В.И. Ленин писал: «Суд должен не устранить террор; обещать это было бы самообманом или обманом, а обосновать или узаконить его принципиально, ясно, без фальши и без прикрас» [5, с. 190].

Прямо противоположной позиции придерживаются субъекты современной уголовно-правовой парадигмы. Формирование индивидуального и общественного сознания происходит под влиянием обмана и самообмана, неопределенности, фальши и имиджмейкерства. Закон из руководства к действию превратился в символ, в центре внимания оказывается не смысл закона, а знаковые явления, содержащиеся в нем.

Данную парадигму А.Э. Жалинский назвал символической: «Содержанием символической парадигмы является правильное допущение о том, что некоторые явления поведенческого характера нетерпимы в обществе и, следовательно, должны быть запрещены уголовным законом. Здесь неявно предполагается, что всякий уголовно-правовой запрет должен быть исполнен, но фактически исполнение уголовно-правового запрета не обеспечивается или, точнее говоря, обеспечивается недостаточно полно» [2, с. 71].

Символическая парадигма отразилась и на науке уголовного права. Большинство научно-исследовательских работ посвящены бесконечным неточностям уголовного закона, их аргументация носит поверхностный, символический характер. Под воздействием научного пессимизма ученые предлагают способы совершенствования действующего законодательства, не рассчитывая на его реальную реализацию.

В условиях передела собственности символическая парадигма была выгодна бизнес-элите. Ничто так не способствует быстрому накоплению капитала, как отсутствие порядка с надлежащим механизмом реализации ответственности за его нарушение. Как справедливо заметил А.Э. Жалинский, «принцип неотвратимости наказания превращается в тезис, который должен быть высказан, но не реализован» [2, с. 71].

После того, как большая часть государственного имущества была приватизирована, а сфера влияния на рынок установлена, бизнес-элита решила легализовать свои теневые капиталы и незарегистрированное имущество, для этого ей понадобился порядок. Уголовное право стало формироваться под влиянием парадигмы бюрократического присвоения уголовного права (бизнес-парадигмы).

Ссылаясь на работы Н. Кристи, А.Э. Жалинский писал, что бизнес-парадигма нацелена на превращение применения уголовного закона в своеобразную отрасль теневой экономики и отражает общий механизм перерождения неконтролируемой бюрократии: «При этом уголовное право превращается в ресурс, средство, с помощью которого можно установить власть над человеком и разменять ее на компетенцию, полномочия, права, авторитет, влияние, прямые имущественные выгоды и пр. Бизнес реализуется как в рамках закона, так и с его нарушением. Но во всех случаях главным является достижение собственных целей. Поэтому уголовный закон как средство должен быть и неопределенным, и жестким, а сфера его применения – максимально широкой» [2, с. 71].

Отождествление государственных интересов с интересами бизнес-элиты привело к отрыву государства от общества. Если в Украине бизнес-элита продолжает гнаться за сиюминутными выгодами, а власть продолжает бездействовать в плане решения насущных социальных проблем, в некоторых постсоветских государствах ситуация изменилась в сторону повышения роли государства в решении экономических, политических, правовых, социальных проблем. Так, И.А. Калиев, на примере Республики Казахстан, рассматривая вопрос о взаимоотношении власти и бизнеса в постсоветских странах, пришел к выводу: «Активное вмешательство бизнес-структур в политические процессы, подчинение государства бизнесу и, как результат, институционализация олигархии в 1990-е гг. сменились в начале 2000-х гг. снижением влияния экономических групп интересов на процесс принятия политических решений на фоне резко возросшей роли государства» [6].

Социально-экономическая и политическая реальность, существующая в Украине, свидетельствует о том, что ситуация в нашем государстве складывается не самым благоприятным способом.

Украина так и не превратилась в государство с рыночной экономикой, механизмом которой является рыночная система. В одном из учебников наиболее популярных в американских колледжах и университетах, дается следующая характеристика рыночной системы: «Рыночная система представляет собой многосложную систему связей, посредством которой бесчисленные индивидуальные, свободно выбранные решения учитываются, суммируются и взаимно уравниваются.<...>Рыночная система служит не только механизмом, посредством которого общество выносит решения относительно того, как распределять свои ресурсы и производимую из них продукцию, но именно с ее помощью эти решения осуществляются на деле» [7, с. 53].

Монополизация рынка в Украине привела к сужению конкуренции, при которой рыночная система ослабевает в качестве механизма эффективного распределения ресурсов. Американские ученые К.Р. Макконнелл и С.Л. Брю последствия сужения конкуренции описали так: «Производители и поставщики ресурсов становятся менее подчиненными воле потребителей, суверенитет производителей и владельцев ресурсов ставит под сомнение и подрывает суверенитет потребителей. Процесс отождествления «невидимой руки» личных и общественных интересов начинает терять свою силу. <...>А концентрация экономической власти, которой сопровождается упадок конкуренции, позволяет обладателям этой власти осуществлять меры принуждения» [7, с. 89].

По замыслу Абсолютного Разума, все существующее в нашем мире должно стремиться к бесконечной организации гармонии. Насилие, как правило, нарушает гармоничное сосуществование «личности–общества–государства», в результате возникает круговорот насилия среди названных субъектов, что неминуемо приводит к самоуничтожению. А. Поис правильно заметил: «В нашей современной действительности чрезмерные отклонения, выходящие за границы меры, преобладают практически во всем. Поэтому нет ничего удивительного в том, что человечество постоянно балансирует на грани самоуничтожения» [8].

По мнению американских экономистов, роль государства, по крайней мере, на начальной стадии экономического роста должна быть значительной. Исследования американских ученых показали, что экономически отсталые страны сталкиваются со следующими трудностями экономического развития:

1. Законность и порядок. Подлинным бичом некоторых беднейших стран являются преступность и межплеменные столкновения, отвлекающие внимание и ресурсы общества от хозяйственных задач. Сильная и устойчивая государственная власть необходима для установления законности и порядка в стране, достижения мира и единства.

2. Слабость частного предпринимательства. Во многих странах отсутствует достаточно многочисленный и энергичный класс предпринимателей, имеющих возможность и желание накопить капитал и развить производство.

3. Инфраструктура. Многие трудности экономического роста порождаются дефицитом общественных товаров и услуг, иначе говоря, недостаточным развитием инфраструктуры. Санитарно-гигиенические и основные медицинские программы, образование, орошение и охрана почв, сооружение дорог и прочих транспортно-коммуникационных систем – все эти, по сути, нерыночные товары и услуги приносят обществу огромные побочные выгоды. Только государство способно обеспечить производство таких товаров и услуг в достаточном количестве.

4. Принудительное накопление и капиталовложение. Иногда вмешательство государства требуется для решения проблемы сбережений и инвестиций, которая тормозит накопление капитала в экономически отсталых странах.

Случается так, что обеспечить выход из положения могут лишь государственные налоговые меры, стимулирующие накопление капитала. При этом очень часто возникают острые проблемы, связанные с созданием справедливой и эффективной налоговой системы, ее четким функционированием, более или менее всеобщим соблюдением налогового законодательства.

5. Проблемы, связанные с социальным устройством. Государство имеет самые широкие возможности для того, чтобы устранять с пути экономического роста препятствия, вытекающие из характера социального устройства. Только государство в состоянии реально поощрять волю к развитию, побудить общество отказаться от религиозного фатализма и понять ценность социальной активности [7, с. 759–760].

Перечисленные проблемы свидетельствуют о необходимости повышения роли государства в решении экономических, политических, социальных вопросов. При этом повышение роли государства не означает переход к тоталитарному режиму. Тоталитарный режим предполагает подавление, в то время как деятельность демократического, правового, социального государства должна быть основана на принципе взаимной ответственности.

Изучение законов Природы позволяет выдвинуть гипотезу, согласно которой в основе принципа взаимной ответственности лежит Закон (принцип) корпускулярно волнового дуализма как всеобщий – универсальный, фундаментальный Закон Природы, закон Вселенной, закон Мироздания.

Механизм действия Законов Природы, законов Вселенной, законов Мироздания, описанный А. Поисом, можно перенести на законы, созданные человеком. А. Поис пишет: «Ни при абсолютной замкнутости, ни при абсолютной свободе, невозможно (из-за отсутствия взаимодействия с другими частицами) реализовать собственные способности-программы, несмотря на то, что в одном случае частица покоится, а в другом – движется под воздействием внешней силы.

Если человек поймет, что «бежать» (жить) можно только при согласованном взаимодействии с коллективом других частиц и при обеспечении всему этому коллективу необходимого для его «бега» (жизни) промежутка пространства-времени, то он не станет замыкаться в себе и не позволит превратить себя в безвольную щепку, несомую тем или иным «поток», а постарается «бежать» (жить) в согласии с коллективом, стремясь обеспечить не только себе, но и всем другим его «частицам», оптимальное жизненное пространство («полную потребительскую корзину»), так как и он, и они в составе данной волны являются единым целым» [8].

Отсутствие взаимной ответственности между личностью, обществом и государством приводит к следующим последствиям. Государство, не способное обеспечить законность и порядок, мир и единство страны, а также организовать свое «домашнее хозяйство», теряет свой авторитет и поддержку общества. Общество, которое не уважает своих членов, толкает их к игнорированию общепринятых правил поведения. У личности, лишенной поддержки общества и государства, возникает апатия, которая по обратной цепочке передается обществу и государству. Процесс развития общества затормаживается. Все приходит в упадок.

В отличие от личности–общества–государства бизнес живет своей жизнью. Подчинив себе государственный аппарат, используя обман и принуждение, бизнес-элита рассчитывает на быстрое получение прибыли при минимуме затрат. При этом

бизнес в Украине не отличается своей преемственностью или наследственностью, он не рассчитан на долгое существование, иначе был бы основан на честности и справедливости, учитывал бы интересы государства и общества. Принуждение, как мы выяснили, вызывает обратную реакцию, а обман легко обнаружить. Поэтому, скорее всего, бизнес-элита Украины рассчитывает на то, что после быстрого накопления капитала, она продолжит свою деятельность за рубежом. Вопрос о том, что бизнес-элита Украины будет делать в государстве и обществе, в котором действуют свои законы взаимодействия, ее пока не интересует.

Между тем, как правильно заметил А. Поис, «каждое движение-изменение, каждое действие, кого и чего бы то ни было приводит к определенному результату, поэтому не существует ни наказания СВЫШЕ, ни награды за наши прошлые дела, а имеются всего лишь (!) следствия того, что мы САМИ ранее совершили» [8].

В связи с этим от парадигмы бюрократического присвоения уголовного права (бизнес-парадигмы) мы предлагаем перейти к парадигме рационального использования уголовного закона как социального инструмента. По мнению А.Э. Жалинского, ключевым для этой парадигмы становится допущение необходимости трудного и постоянно проверяемого выбора целей уголовного правоприменения по критерию «интересы общества – потери общества», что должно сопровождаться столь же трудным и столь же критически обсуждаемым отбором наиболее щадящих и одновременно необходимых средств уголовно-правового воздействия [2, с. 72].

Можно согласиться с выводами А.Э. Жалинского, согласно которым под влиянием рациональной парадигмы субъекты уголовной политики и уголовного применения в рамках своих информационных обязанностей и пределов усмотрения, установленных законом, должны:

- а) осознавать гносеологические, методологические основания выработки уголовно-правовых суждений, как эмпирических, так и абстрактных, с различной степенью обобщения;
- б) разрабатывать методики и приемы перевода фактической информации в нормативную, т. е. программирования решений, имеющих уголовно-правовое содержание;
- в) совершенствовать технологии работы с уголовным законом и уголовным правом, включая коммуникации между субъектами уголовно-правовых сигналов и их адресатами [2, с. 72].

Однако критерий выбора целей уголовного правоприменения необходимо расширить и уточнить. Он должен выражаться в разумном балансе интересов личности, общества, государства, при минимуме потерь, с учетом триединого начала окружающего мира: Божественного (Духовного) – Природного – Человеческого.

Процесс разработки и внедрения рациональной парадигмы очень долгий и трудоемкий. Много зависит от того, насколько люди устали от разрушительного, иррационального характера мировоззрения постмодернизма. Закон (явление) резонанса гласит: «Если БОЛЬШИНСТВО людей Земли сможет объединиться в единый мощный эгрегор – коллектив единомышленников и начнет думать и действовать по глобальным вопросам согласованно – в РЕЗОНАНС, то его возможности станут столь велики, что смогут кардинально повлиять на развитие событий глобального масштаба» [8].

Анализ научных исследований показал, что процесс внедрения рациональной парадигмы уже осуществляется. Например, В.М. Кулитынский в своих

диссертационных исследованиях пришел к выводу, согласно которому образ права в правовой идеологии, основанной на природно-правовом типе правопонимания, зависит от правосознания конкретного субъекта, однако является результатом рационального отображения правовой реальности [9, с. 179]. О разумном использовании права, которое формирует новое, необходимое обществу правосознание, пишут М.В. Бавсун, А. . Наумов и др. [10, с. 110].

При этом следует иметь в виду, что использование рациональной парадигмы не исключает возможность влияния иррационального начала на жизнедеятельность человека и функционирование общества, она проявляется в наполнении осмысленным содержанием институтов уголовного права. Для того чтобы процесс наполнения осмысленным содержанием институтов уголовного права был эффективным, необходимо получить ответы на следующие вопросы: что мы наполняем смыслом, как и с какой целью мы это делаем.

Понимание уголовного права

В юридической литературе все чаще можно встретить критические замечания либо в адрес законодателя, либо в адрес теоретиков и практиков. Бесконечные споры и конфликты подрывают авторитет права и правовые устои общества. Идеи, способные возродить авторитет права и обеспечить порядок в обществе, периодически появляются, но так и не находят своего реального воплощения. Причиной правовых «конфликтов» между законодателем и теоретиками, теоретиками и практиками является слишком широкая трактовка слова «понимание» права и игнорирование вопроса о том, что различными субъектами право понимается по-разному. Одним из ключевых факторов при этом являются личные мотивы и интересы, в результате чего правопонимание законодателя и практиков часто отличается от правопонимания, предложенного учеными-правоведами. Решить существующую проблему можно за счет более точной интерпретации словосочетания «понимание права».

В одном из учебников по общетеоретической юриспруденции, направленном на повышение уровня общетеоретической подготовки специалистов юридического профиля, было замечено, что термин «понимание», даже в обыденном значении используется как синоним познания, осмысления, постижения, разумения и даже истолкования и объяснения. Авторы упомянутого учебника исходят из того, что «правапонимание – это центральная категория юриспруденции, отражающая процесс и результат постижения права, которая, в том числе, выступает как мыслительная деятельность человека по познанию права, оценке и отношения к нему как к целостному социальному явлению» [11, с. 59].

На наш взгляд, познание, осмысление и толкование являются способами понимания права, в то время как правопонимание представляет собой – сложившиеся взгляды на сущность права, формы его выражения (источники), связь с государством, причины происхождения, назначение и др. Способов познания права, как и постижения природного, социального и духовного бытия существует бесконечное множество. Но только одно представление о праве становится общепризнанным. Формируется оно поэтапно.

Представление о сущности (содержании) права создается учеными-правоведами, форма права формируется законодателем. В идеале согласованность формы и содержания права должна отражаться в работе правоприменителей. Но происходит это довольно редко. Правоприменитель по-своему понимает сущность права, более или менее считается с формой, предложенной законодателем, и чаще всего создает

свой механизм реализации права. В результате в обществе создается искаженное представление о праве, которое из-за большого количества субъектов, его разделяющих, становится общепризнанным. Между субъектами правопонимания возникает конфликт, который безрезультативно вынуждает ходить по кругу.

Одним из способов решения существующего конфликта является уяснение учеными своей роли в процессе формирования представлений о праве. При этом очень важно не преувеличивать роль науки и авторитет ученых в реальной жизни. Необходимо уйти от идеализированного образа науки и признать то, что она является лишь частью общественного мировоззрения.

А.П. Овчинникова справедливо критикует юристов: «Если юрист говорит, что замысел закона состоял в том-то и в том-то, что именно поэтому его действие и результат работы структурированы так-то, то он предполагает, что те, кому он адресуется, находятся в том же структурном поле» [12, с. 7]. «И не все ли равно, – с иронией задает вопрос А.П. Овчинникова, – что мы скажем при этом: таков мир, в котором мы живем, либо, при другом взгляде на вещи, таков мир, который мы себе создали?» [12, с. 7]. В действительности должно быть не все равно. Если мир, который мы создали, противоречит миру, в котором мы живем, стабильности не будет ни в одной из сфер нашего существования.

Характер человеческого существования зависит от мозговой деятельности человека, в результате которой формируется сознание, определяющее жизненные установки личности. Сознание представляет собой сложную совокупность составляющих его элементов. Как пишет Л.И. Мозговой, сознание может быть представлено как универсальная способность человека приобретать, хранить, преобразовывать и воспроизводить знания; обеспечивать регуляцию ценностных ориентаций людей; раскрываться с помощью системной иерархии разнообразных процессов: чувства (ощущение, восприятие, представление), рассудка (которые включают работу с понятиями, суждениями, умозаключениями и т. п.), эмоциональных, волевых мнемонических процессов, памяти, воображения, интуиции, воспоминания и др., но и процессов переживания и веры (сомнения, убеждения, радости, подавленности, желания и т. п.) [13, с. 196].

Право, выступая одним из основных социальных регуляторов, стремится к воздействию на сознание человека. При этом очень важно установить, какой из элементов человеческого сознания имеет решающее значение. По мнению О.В. Грищук и Х.Б. Соломчак, знания воздействуют на осознание человеком своих действий, а значит, имеют решающее значение для ответственности, ведь все свои поступки человек осуществляет на основе знаний и опыта [14, с. 102]. Бесспорно, если бы знания о роли правовых норм в обществе, о нежелательных последствиях, которые предусмотрены в случае их несоблюдения, побуждали бы человека к позитивной правовой ответственности, работа юристов заключалась бы в том, чтобы доводить эти знания до населения.

Можно согласиться с точкой зрения М.С. Кельмана и О.Г. Мурашина относительно того, что правосознание содержит совокупность взглядов, чувств, эмоций, идей, теорий и представлений, которые характеризуют отношение человека, социальных групп и общества в целом к действующему или желательному праву и деятельности, связанной с ним [15, с. 354–355].

Не утратили своего значения монографические исследования М.Ф. Орзиха, опубликованные им в 1975 г. В своих исследованиях ученый пришел к следующим выводам: «В действительности формирование и функционирование личности

происходит под воздействием (1) генетической программы, обусловленной филогенезом (видовым развитием) человечества, (2) социальной программы, синтезирующей социальный опыт человечества (результат «социального наследования», по выражению Н.П. Дубинина), (3) социального опыта личности, складывающегося в процессе жизнедеятельности человека (его онтогенеза), (4) среды (социальная и природная обстановка жизни человека, его макро – и микроокружение), включающей случайности исторического и индивидуального характера, которые создают «шумы» неопределенности, затрудняют познание закономерного, (5) системы средств направленного воздействия» [16, с. 127].

Право не является единственным средством направленного воздействия на личность, поэтому выступая в роли «посредника» между государством и личностью, оно должно на уровне «медиума» ощущать значение мифов, религии, культуры, морали, нравственности, этики и эстетики, политики в жизни человека.

Уголовное право как материальная, публичная отрасль права воздействует на личность языком законов, который имеет как символическое, так и рациональное значение. Анализируя символическую и рациональную парадигму, мы пришли к выводу, что преимущественное значение имеет рациональная парадигма. Однако без учета символической составляющей уголовного права уголовный закон превращается в «мертвую схему», оторванную от личности, ибо для нее первостепенное значение имеет не информационная насыщенность закона, а его способность и готовность охранять индивидуальные и общественные интересы. Каждый принятый закон, с одной стороны, является символом чего-то, с другой стороны, содержит символы, с помощью которых облегчается языковое воздействие на людей.

В юридической литературе вопрос о символическом воздействии уголовного права является малоразработанным. Тем не менее, несмотря на свое рациональное начало, уголовное право не может существовать без символических образов (мифологических основ права). Ю.В. Цуркан-Сайфулина правильно заметила: «Мифологические основы права основываются на подсознательном уровне человеческой психики, а право, которое основано на таких мифологических основах, имеет (неосознанно) авторитетный характер, является несомненным, не подлежит опровержению или критике» [17, с. 242].

Опасность использования символов заключается в том, что сущность правового символа «состоит как раз в том, что некоей форме придается определенный, казалось бы, никак с самой этой формой не связанный смысл» [18, с. 58]. Например, внесение изменений и дополнений в действующий Уголовный кодекс, касающихся преступлений, связанных со временно оккупированной территорией Украины [19], свидетельствует о том, что в Украине еще долго будет существовать оккупированная территория. Подобные новшества в законодательстве вызывают пессимизм и апатию у населения, уголовное право начинает символизировать не охрану «личности–общества–государства», а угрозу и нестабильность.

Наряду с правовыми символами для уголовного права имеют значение символы, не закрепленные в официальных источниках права. Как правило, они касаются процедуры реализации уголовно-правовых норм (сфера действия уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного права). На уровне обыденного сознания люди в большей степени склонны доверять тому, что они видят или слышат, нежели письменной форме отражения смысла закона.

Например, согласно ч. 1 ст. 1 УК Украины уголовный закон имеет своей задачей правовое обеспечение охраны прав и свобод человека и гражданина, собственности,

общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Украины от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, а также предупреждение преступлений. По замыслу законодателя, Уголовный кодекс Украины должен был стать символом охраны интересов личности–общества–государства–международного сообщества. Однако нестабильность и избирательность действия уголовного закона, а также отсутствие надлежащего механизма его реализации привели к тому, что Уголовный кодекс Украины стал символом законодательной демагогии. Неудивительно, что В.А. Туляков, изучая социальную физику и уголовную ответственность, заметил любопытную ситуацию: *«Степень оценки асоциальности поведения начала определяться не законами и постановлениями, а эффектом взаимодействия между людьми по поводу ожидаемого блага, высших социальных интересов, чувства индивидуальной и коллективной безопасности»* [20, с. 85–86].

Для того чтобы символическое воздействие уголовного закона было эффективным, его необходимо формулировать, исходя из принципов рациональности. Удачными в этой связи представляются предложенные Е.В. Золотухиной-Аболининой следующие черты идеала рациональности в осмыслении человеческих действий:

- а) ясное и четкое понимание целей, осознанных собственными потребностями и установление адекватности цели реальным потребностям;
- б) осознание причинного механизма, общественной закономерности, которая породила данные потребности, осмысление удовлетворения их как необходимости;
- в) сознательный выбор средств, адекватных цели, выбор, основанный на знании объективных свойств предметов, применяемых как средство;
- г) осознание условий протекания действия, способность сориентировать действие в соответствии с объективными конкретными условиями;
- д) осознание не только ближайших, очевидных результатов действия, но и его отдаленных, которые не лежат на поверхности и не последовательны, умение учитывать их и корректировать цель и средства;
- е) собственная способность в применении форм и способов мышления, контроль над протеканием умственного (познавательного, оценочного и др.) процесса, выяснение предусловий мышления» [21, с. 17].

Осознавая связь символического и рационалистического подходов, А.Э. Жалинский выделил три направления механизма символического действия уголовного права:

- воздействие на иерархию социальных благ;
- оценка (практика реализации) распределительной социальной справедливости;
- аргументация выборов вариантов поведения [2, с. 27].

Думается, что механизм символического действия уголовного права не ограничивается указанными направлениями. В него входит также воздействие на понятие, задачи и принципы уголовного права, понятие преступления и наказания. Хорошо отработанная правовая система предполагает не только логическую взаимосвязь, составляющих ее элементов, но и идейное (идеологическое) единство. Е.Л. Стрельцов заметил: «Безусловно, каждая отрасль имеет свои задачи, однако, и это необходимо подчеркнуть, общий содержательно-методологический подход в определении задач конкретной отрасли законодательства, задач всей системы национального законодательства должен быть принципиально единым, что, безусловно, должно совершенствовать систему национального законодательства и каждой его составляющей» [22, с. 12].

Наличие норм-целей, норм-принципов в уголовном праве не означает, что оно трансформируется в идеологию. А.И. Клименко, ссылаясь на работы Дж. Остина, Н. Рулана, пишет, что о постепенной трансформации современного права в идеологию говорит вся история его развития от обычного права к праву предписательному. Н. Рулан говорит о возрастающей роли норм-целей, норм-принципов и вообще стандартов, которые лишь намечают «вектор» необходимого поведения и не являются нормой в узком смысле слова. Он говорит даже о новом типе воспроизводимого государством позитивного права, не основанном на непременном принуждении, а скорее, предполагающем информационно-идеологическое воздействие. И в этом плане французский ученый отмечает различие «права-модели» – развивающегося права и «права-санкции», справедливо признавая, по мнению А.И. Клименко, за правом-моделью не только юридическое качество (в чем ему отказывают многие юристы), но и определенные функциональные достоинства. Н. Рулан пишет, что право-модель – это инструмент новой законодательной политики, которая «основывается на идее, что новые права, пользуясь официальным закреплением со стороны учредителя и законодателя, не могут в настоящий момент применяться полностью: отныне они меньше являются императивным обязательством, а, скорее, моделью того, каким *могло бы быть* будущее общество, принимая, конечно, во внимание тот факт, что они могут измениться под воздействием формирующейся практики» [23, с. 39].

Трансформация права в идеологию ставит под сомнение целесообразность существования самого права. К сожалению, под влиянием тех или иных исторических событий забываются причины возникновения права, а именно, что право является инструментом, который создается каждым обществом для разрешения возникающих в нем конфликтов, путем применения мер государственного принуждения. Без санкций теряется смысл существования норм права (их легко можно заменить нормами морали и нравственности). Неудивительно, что В.М. Коган, анализируя социальный механизм уголовно-правового воздействия, писал: «Насколько об этом можно судить по дошедшим до нас данным, чем древнее право, тем выше в нем доля уголовных запретов, тем в большей степени оно является уголовным» [24, с. 36]. На это же положение обращал внимание и Е.Б. Пащуканис, отмечая: «Нормальное не фиксируется сначала, как таковое, – оно просто существует. Потребность зафиксировать и точно установить объем и содержание взаимных прав и обязанностей возникает там, где спокойное и мирное существование нарушено. С этой точки зрения прав Бентам, когда он говорит, что закон создает права, создавая преступления. Юридическое общение получает свою специфическую характеристику исторически, прежде всего, на фактах правонарушений понятие кражи определяется раньше, чем понятие собственности» [25, с. 159].

Утверждение о том, что право-модель является инструментом новой законодательной политики, неприемлемо для нашего общества. Как правильно заметил В.А. Туляков, специалисты в сфере изучения славянского права указывают, что основным элементом славянского правосознания является чувство справедливости и несправедливости, обязанности и ответственности, солидарности, что отличает славянское правосознание от западного, ориентированного на формальную законность [26, с. 143].

Американец Э. Позер издал книгу с очень пессимистическим названием «Сумерки прав человека», в которой поднял проблему: «Права человека являются неэффективными, или менее эффективными, когда существует слишком много прав.

<...> Когда существует много прав, государство может оправдать свою неспособность уважать одно право, настаивая на том, что оно исчерпало финансовые и политические ресурсы, пытаясь обеспечить другие права» [27].

Именно идея о том, что закон должен быть не только провозглашенным, но и реализованным, должна стать инструментом новой законодательной политики. Что касается норм-целей, норм-принципов, то уголовному праву они необходимы для того, чтобы сухость и взвешенность закона дополнить одушевленностью.

Выводы

Уголовно-правовое воздействие обусловлено использованием повелительных суждений о должном, дозволенном, запретном, оно непосредственно связано с применением наиболее суровых мер государственного принуждения, поэтому ничто так не задевает человека, как уголовный закон, не соответствующий социальным реалиям. Осознать методологические основания выработки уголовно-правовых суждений, соответствующих потребностям личности–общества–государства, можно только после осмысления предпонимания и понимания уголовного права.

В идеале предпонимание уголовного права должно воплощаться в наиболее общих суждениях о законах Природы, Вселенной, Мироздания. В реальной действительности общие представления о природе влияют на процесс формирования уголовного права опосредовано, через предпонимание субъектов уголовно-правовой парадигмы, среди которых основная роль отводится государству.

Для того чтобы свернуть с пути самоуничтожения от парадигмы бюрократического присвоения уголовного права (бизнес-парадигмы) необходимо перейти к парадигме рационального использования уголовного закона как социального инструмента. Она должна выражаться в разумном балансе интересов личности, общества, государства, при минимуме потерь, с учетом триединого начала окружающего мира: Божественного (Духовного) – Природного – Человеческого.

В отличие от предпонимания, которое, как правило, происходит на уровне подсознания, правопонимание представляет собой сложившиеся в сознании человека взгляды на сущность права, формы его выражения (источники), связь с государством, причины происхождения, назначение и др. В основе понимания уголовного права должна лежать идея о том, что уголовное право является инструментом, который создается каждым обществом для разрешения возникающих в нем конфликтов, путем применения мер государственного принуждения. Выступая средством направленного воздействия на личность, уголовное право должно на уровне «медиума» ощущать значение мифов, религии, культуры, морали, нравственности, этики и эстетики, политики, экономики в жизни человека.

Список использованных источников:

1. Энгельс Ф. Диалектика природы / Ф. Энгельс. – М. : Политиздат, 1982. – 359 с.
2. Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ / А.Э. Жалинский. – М. : Проспект, 2009. – 400 с.
3. Ленин В.И. Полное собрание сочинений / В.И. Ленин. – М. : Изд-во политической литературы, 1964. – Т. 44. – 725 с.
4. Программа Коммунистической партии Советского Союза. – М. : Изд-во политической литературы, 1962. – 308 с.
5. Ленин В.И. Полное собрание сочинений / В.И. Ленин. – М. : Изд-во политической литературы, 1964. – Т. 45. – 729 с.

6. Калиев И.А. Властные отношения и бизнес в постсоветских странах – проблемы и перспективы / И.А. Калиев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://e-history.kz/ru/contents/view/1525_.
7. Макконнелл К.Р., Брю С.Л. Экономикс: принципа, проблемы и политика / К.Р. Макконнелл, С.Л. Брю ; Пер. с англ. 11-го изд. – К. : Хагар-Демос, 1993. – 785 с.
8. Поис А. Основные законы природы – всеобщие, универсальные, фундаментальные законы – законы Вселенной, законы Мироздания / А. Поис [Электронный ресурс] – Режим доступа : http://www.pois.ru/zak.htm#f_.
9. Калітинський В.М. Сучасні різновиди правових ідеологій: філософсько-правовий вимір : дис. ...канд. юрид. наук : 12.00.08 / В.М. Калітніський. – Одеса, 2016. – 212 с.
10. Бавсун М.В. Методологические основы уголовно-правового воздействия: [монография] / М.В. Бавсун. – М.: Юрлитинформ, 2012. – 200 с.
11. Общетеоретическая юриспруденция: учебный курс: учебник / под ред. Ю.Н. Оборотова. – О.: Фенікс, 2011. – 436 с.
12. Овчинникова А.П. Системный подход и методология юриспруденции / А.П. Овчинникова // Правове життя сучасної України: Тези доповідей Всеукраїнської наукової конференції «Правове життя сучасної України» / Відп. ред. д-р юрид. наук, проф. Ю.М. Оборотов ; Одеська національна юридична академія. – О. : Фенікс, 2008. – 568 с.
13. Мозговий Л.І. Філософія. Кредитно-модульний курс: [навч. посіб.] / Л.І. Мозговий, І.В. Бичко, Р.О. Додонов; За ред. Р.О. Додонova, Л.І. Мозгового. – К.: Центр учбової літератури, 2009. – 456 с.
14. Гришук О.В., Соломчак Х.Б. Позитивна правова відповідальність людини: детермінаційні аспекти: [монографія] / О.В. Гришук, Х.Б. Соломчак. – Хмельницький, 2016. – 349 с.
15. Кельман М.С., Мурашин О.Г. Загальна теорія держави та права: Підручник / М.С. Кельман. – К. : Кондор, 2006. – 477 с.
16. Орзіх М.П. Особистість і право: [Монографія] / Передмова С.В. Ківалова. Вступна стаття автора. – Одеса : Юридична література, 2005. – 312 с.
17. Цуркан-Сайфуліна Ю.В. Владні засади права: філософсько-правові аспекти: [монографія] / Ю.В. Цуркан-Сайфуліна. – Одеса : Фенікс, 2016. – 358 с.
18. Давыдова М.Л. Правовые символы и символы в праве: понятие, значение, классификация / М.Л. Давыдова // Юридическая техника. – 2008. – № 2. – С. 56–63.
19. Про забезпечення прав і свобод громадян та правовий режим на тимчасово окупованій території України : Закон України 15 квітня 2014 р. № 1207-VII // Відомості Верховної Ради. – 2014. – № 26 – Ст. 892.
20. Туляков В.А. Социальная физика и уголовная ответственность / В.А. Туляков // Актуальні проблеми кримінальної відповідальності: Матеріали міжнар. наук.-практ. конф. 10–11 жовтня 2013 р. / Редкол.: В.Я. Тацій (голов. ред.), В.І. Борисов (заст. голов. ред.) та ін. – Х. : Право, 2013. – С. 83–88.
21. Золотухина-Аболина Е.В. Рациональное и ценностное (проблемы регуляции сознания) / Е.В. Золотухина-Аболина. – Издательство Ростовского университета, 1988. – 144 с.
22. Стрельцов Є.Л. Основне завдання законодавства – регулювання чи регламентування суспільних відносин: деякі міркування / Є.Л. Стрельцов // Вісник Південного регіонального центру Національної академії правових наук України. – 2016. – 10. – С. 8–15.

23. Клименко А.И. Правовая идеология в контексте пространственно-временных характеристик современного общества / А.И. Клименко // Пространство и время. – 2012. – № 4 (10). – С. 36–41.

24. Коган В.М. Социальный механизм уголовно-правового воздействия / В.М. Коган. – М.: Изд-во «Наука», 1983. – 182 с.

25. Пащуканис Е.Б. Избранные произведения по общей теории права и государства / Е.Б. Пащуканис. – М.: Наука, 1980. – 270 с.

26. Туляков В.А. Уровни уголовно-правового регулирования / В.А. Туляков // Актуальні проблеми держави та права. – 2013. – С. 141–147.

27. Сутінки прав людини і Європейський суд [Електронний ресурс]. – Режим доступа : <http://ua.racurs.ua/1136-prava-ganna-udkivska>.

Надибська О.Я.,

доктор філософських наук, професор,
завідувач кафедри філософії та соціально-гуманітарних дисциплін
Одеського державного університету внутрішніх справ

СУСПІЛЬСТВО ТА ОСОБИСТІСТЬ: СУТНІСНИЙ ХАРАКТЕР ІНТЕРЕСІВ Й ДІЙ У ПРОЦЕСІ ФОРМУВАННЯ СОЦІАЛЬНИХ ПРІОРИТЕТІВ

Анотація

У статті здійснюється аналіз системи знання особливості та соціуму, що мають одне джерело походження, але різну природу та різний зміст. Системи знань особистості та соціуму мають різне співвідношення в різних культурах. І особистісне, і суспільно-групове знання формується в процесі соціальної взаємодії та будується на формуванні певної структури відносин. Спираючись на теорію німецького соціолога Норберта Еліаса, автор статті намагається довести, що жодна людина не оволодіватиме знаннями, які непотрібні їй у житті, а особливий спосіб співіснування та кооперації особистісних знань створює знання соціальне. У роботі здійснено спробу розкрити природу соціального пріоритету, який формується парадоксальним шляхом оформлення принципово нової цінності з тих суто індивідуальних інтересів, що реалізуються конкретними особистостями в полі соціальної взаємодії. Особистісне знання постає в формі розуміння власних потреб, в першу чергу, економічного характеру. Соціальна взаємодія наділяє особистісне знання характеристиками потреби в конкурентному здобутті власного місця серед собі подібних. Це потреба в перевазі в найрізноманітніших вимірах – від влади в прямому сенсі як можливості контролювати свободу іншої людини до затвердження себе як найкращого в будь-якому сенсі.

Вступ

Суспільно-групове та особистісне знання являють собою своєрідні «два кити», дві наріжні підвалини, на яких формуються соціальні пріоритети. Соціальний пріоритет може оформитись виключно у точці перетину групового та особистісного інтересу, адже є своєрідною формою розуміння способів досягнення найкращого життя. Питання про долю групового та особистісного знання в формуванні системи